

УДК 343.1

А.А. Тарасов*

С.А. ШЕЙФЕР О ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

При освещении проблем системы следственных действий С.А. Шейфер неизменно включал в их число задержание подозреваемого, в ходе которого процессуальную фиксацию получали важные для дела сведения – время, место и основания задержания конкретного человека. Для такого подхода в УПК РСФСР 1960 года имелись и нормативно-правовые основания. В УПК РФ 2001 года отсутствуют аналогичные прямые указания, но С.А. Шейфер и при действующем законе настаивал на познавательной природе задержания и доказательственном значении его протокола. В настоящее время отдельные авторы высказали суждения об ошибочности описанной позиции С.А. Шейфера и предложили аргументы, опровергающие возможность отнесения задержания подозреваемого к числу следственных действий по собиранию доказательств, причем не только при действующем уголовно-процессуальном законе, но и в принципе – в силу специфики процессуальной природы самого этого действия. В статье поддержана позиция С.А. Шейфера, высказаны критические суждения о современной практике задержания подозреваемого и предложены пути ее совершенствования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, задержание подозреваемого, следственное действие, собирание доказательств, доказывание, меры процессуального принуждения, протокол задержания.

С.А. Шейфер положительно отвечал на вопрос, вынесенный в название настоящей статьи, и был одним из немногих отечественных процессуалистов, относящих эту классическую меру процессуального принуждения к числу способов собирания доказательств. Посвятив разработке теории следственных действий значительную часть своей научной деятельности, С.А. Шейфер последовательно доказывал, что при задержании подозреваемого происходит собирание и закрепление сведений, которые в этом же виде не могут быть получены ни при каком другом процессуальном действии. Только при оформлении протокола задержания процессуальную фиксацию получает факт обнаружения конкретного человека в конкретном месте в конкретное время (нередко – в месте совершенного только что преступления или поблизости от него) и основания собственно задержания, то есть фактического захвата этого человека, указанные в уголовно-процессуальном законе. Основания задержания законом в большинстве своем также привязаны либо к местонахождению задержанного в конкретный момент, либо к факту нахождения на его одежде или при нем каких-то следов или предметов, связанных с преступлением, либо с попытками скрыться от представителей власти, оказавшихся в этом же месте. Причастность этого человека к преступлению – это, разумеется, предмет дальнейшего расследования. Однако набор первоначальных сведений, дающих основания предпо-

ложить такую причастность, получается именно при его задержании, в протоколе которого эти сведения и фиксируются. Такой подход в начале 1980-х годов, когда вышло в свет первое издание книги С.А. Шейфера «Следственные действия: система и процессуальная форма» (М.: Юр. лит., 1981), разделялся не всеми учеными, но представлялся достаточно стройно аргументированным. Для того чтобы считаться самостоятельным следственным действием по собиранию доказательств, по представлениям С.А. Шейфера, процессуальное действие должно быть нацелено на получение и процессуальное закрепление имеющих значение для дела сведений, которые другими способами не собираются. При задержании факт нахождения конкретного человека и иных объектов в конкретном месте в конкретное время сам по себе нуждается в процессуальной фиксации. Понятно, что фактический захват человека на месте не совпадает во времени с процессуальным оформлением факта его задержания протоколом – на месте совершения преступления или во время преследования преступника для этого просто нет возможности. Однако оформление протокола собственно задержания и сопутствующего ему личного обыска в любом случае происходит в непосредственной временной близости к фактическому захвату человека на месте. Процессуальное действие, таким образом, – это, разумеется, не сам физический захват, а оформление этого захвата процессуальным документом – протоколом.

* © Тарасов А.А., 2017

Тарасов Александр Алексеевич (aatar@mail.ru), кафедра уголовного права и процесса, Башкирский государственный университет, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Это обстоятельство само по себе несколько нарушает стройность приведенной выше схемы познавательной структуры задержания: захватывают человека на месте преступления одни субъекты, а оформляет этот захват другой субъект, личный обыск с отображением оружия, наркотиков и иных будущих вещественных доказательств проводят одни сотрудники, а оформляет протокол задержания следователь или сотрудник органа дознания. Иными словами, существует разрыв между собственно познавательной деятельностью и оформлением документов и во времени, и по субъектам. Сознвая это, С.А. Шейфер все же настаивал, что сам факт максимально приближенного во времени к фактическому задержанию закрепления в его протоколе имеющих значение сведений определяет познавательную сущность задержания и доказательственное значение его протокола. Личный практический опыт и изучение правоприменительной практики позволяли С.А. Шейферу, во-первых, подчеркивать, что многие из названных сведений не всегда могут быть получены при производстве других следственных действий, а также критиковать тех следователей, которые формально относятся к составлению протокола задержания, не указывая в них лиц, фактически участвовавших в задержании, равно как и точных оснований для задержания [1, с. 65].

Действовавший в советские и первые постсоветские годы уголовно-процессуальный закон давал для такого подхода еще и формальные основания. В статье 119 УПК РСФСР задержание подозреваемого было названо в числе неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления. В статье 87 УПК РСФСР, определявшей понятие «протоколы следственных и судебных действий» как вид доказательств, протокол задержания тоже был назван в числе других протоколов следственных действий, «удостоверяющих обстоятельства и факты», установленные при задержании. Аргументы, высказанные С.А. Шейфером в 1981 году в период действия УПК РСФСР 1960 года, затем были развиты во втором издании этой книги 2001 года (М.: Юрлитинформ), когда по-прежнему действовал существенно обновленный в 1990-е годы УПК РСФСР, но уже был разработан и обсужден в двух чтениях проект нового УПК РФ. По утверждению С.А. Шейфера, на тот момент проект УПК РФ не давал оснований для пересмотра изложенных позиций [1, с. 64].

Тем не менее принятый в декабре 2001 года и введенный в действие с 1 июля 2002 года УПК РФ приведенных ранее законоположений не сохранил и абсолютно точно определил процессуальную природу задержания подозреваемого, посвятив ему первую, 12, главу в разделе «Меры процессуального принуждения». Принадлежность задержания к числу мер процессуального принуждения не вызвала сомнений и по УПК РСФСР. Однако помещалась статья 122 «Задержание подозреваемого в соверше-

нии преступления» в главе IX «Дознание» раздела II «Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие». Это вполне позволяло в контексте процитированных ранее положений статей 87 и 119 УПК РСФСР оценивать задержание не только как меру принуждения, но и как способ собирания доказательств на первоначальном этапе расследования. Важно отметить, что С.А. Шейфер, констатируя факт отнесения новым УПК РФ задержания только к мерам процессуального принуждения, своей позиции не меняет и настаивает на необходимости считать задержание следственным действием, а его протокол – доказательством [2, с. 47].

В новых законодательных условиях С.Б. Россински, вступил в полемику с С.А. Шейфером и констатировал «некоторую ошибочность его суждений по данным вопросам. Придавая задержанию подозреваемого поисково-познавательный характер, он смешивает, путает совершенно разные аспекты и формы правоприменения: фактическое задержание и последующее составление протокола, не учитывает многогранности этого правового явления, не видит разницы между задержанием подозреваемого как мерой принуждения (в узком смысле) и задержанием подозреваемого как комплексом правоохранительных действий (в широком смысле)» [3, с. 37–38]. Далее С.Б. Россинский наращивает силу своей аргументации указаниями на то, что фактический захват преступника на месте совершения преступления или с поличным осуществляет вовсе не следователь или дознаватель, а лица, не уполномоченные на осуществление уголовно-процессуальной деятельности, в том числе и на составление протокола. Излагаемые в протоколе задержания основания и мотивы, таким образом, – «это не плоды непосредственного восприятия автором протокола обстоятельств фактического задержания, а сведения, полученные из других источников: из показаний потерпевшего, свидетелей-очевидцев, результатов осмотра места происшествия, обыска, предъявления для опознания и т. д.» [3, с. 38–39], а протокол задержания как самостоятельное доказательство на практике фактически не используется.

Утверждать подобное при действующем УПК РФ совсем нетрудно. В.В. Кальницкий, например в учебном пособии 2003 года издания, буквально толкуя закон и не вдаваясь в теоретические дискуссии, отмечает, что по УПК РСФСР 1960 года задержание было отнесено к числу следственных действий, а по УПК РФ 2001 года – нет [4, с. 7]. Во время действия УПК РСФСР 1960 года, когда формировалась позиция С.А. Шейфера, С.Б. Россинскому пришлось бы объяснять, почему его рассуждения основаны на игнорировании прямых указаний статей 87 и 119 УПК. Но желание возразить С.Б. Россинскому сегодня возникает по другой причине: его аргументы настолько очевидны, что трудно предположить, будто бы С.А. Шейфер не знал или не заметил их раньше.

С.А. Шейфер отлично понимал, что фактическое задержание проводится не теми людьми, которыми составляется протокол, и что личное участие следователя в задержании — это, во-первых, редчайшее исключение, а во-вторых, основание для его самоотвода от дальнейшего расследования после составления протокола задержания [1, с. 66]. С.Б. Россинский и по этому поводу тоже критикует С.А. Шейфера: мол, непонятен «выборочный характер» такого подхода — одно процессуальное действие произвести можно, а другие — нельзя [3, с. 39; 5, с. 131].

Проблема несовпадения во времени фактического и процессуального задержания — одна из самых обсуждаемых в теории уголовно-процессуального принуждения [6, с. 192–194], и касается она не только самого задержания. С.Б. Россинский верно обращает внимание на несовпадение во времени фактического личного обыска во время фактического задержания и процессуального личного обыска, допустимого лишь по возбужденному уголовному делу и оформляемого отдельным протоколом одновременно с протоколом задержания. И какими бы эпитетами автор ни сопровождал анализ этих фактических и процессуальных действий — «суррогатом личного обыска» или «досмотром», как бы ни ругал практику превращения процессуального личного обыска в пустую формальность или, पुше того, практику «возвращения на место» изъятого при «досмотре» [5, с. 133–134], объективная реальность от этого не изменится. Фактическое задержание подозреваемого и непременно сопутствующий ему фактический личный обыск (изъятие у задерживаемого оружия, взрывных устройств, наркотиков и многого другого, с чем доставлять его к следователю и дознавателю просто небезопасно) невозможно «сдвинуть во времени», как невозможно обеспечить участие в них лица, уполномоченного на возбуждение уголовного дела и на составление процессуальных документов. Но это не основание считать, что изъятые у задерживаемого предметы не должны получать процессуального оформления и использоваться в качестве доказательств. Это было бы крайне неразумно: задержать человека с поличным в момент совершения преступления или побега с места преступления и отказаться использовать сведения о самом этом факте и об обнаруженных предметах в качестве доказательств по уголовному делу в угоду какой-то малопонятной теоретической чистоте. Протокол задержания, составляемый следователем, дознавателем или иным официальным представителем органа дознания, максимально, то есть более чем какой-либо другой процессуальный документ, приближен во времени к фактическому захвату конкретного человека в конкретное время в конкретном месте с конкретными предметами при себе. И тот факт, что сам следователь или дознаватель не присутствовал при фактическом захвате этого человека, по сути, ничего не меняет:

они уполномочены официально зафиксировать факт его захвата и необходимый минимум подробностей этого захвата. Протокол задержания в подобных случаях нередко является первым процессуальным документом, в котором фиксируется важная для дела информация. Эта информация последующим расследованием может быть подтверждена или опровергнута, но в начале расследования ее фиксация абсолютно необходима, и ни в каком другом документе, кроме протокола задержания, она не отражается. Даже если к этому моменту появятся процессуально оформленные показания очевидцев или протокол предъявления для опознания, все эти доказательства без привязки к установленному объективно факту захвата конкретного лица в конкретном месте в конкретное время будут иметь очевидно меньшее значение. То же и с результатами личного обыска — важен факт нахождения конкретных предметов при задержанном именно в момент его фактического задержания, а не вообще когда бы то ни было. И возможность произвести личный обыск во время задержания без вынесения отдельного постановления (ч. 2 ст. 184 УПК РФ), а по факту и без сиюминутного составления протокола прямо свидетельствует о том, что правило это касается именно фактического задержания и фактического обыска в этот момент. При процессуальном оформлении задержания никаких препятствий для составления любого документа, в том числе и постановления о производстве обыска, уже не существует. Но закон этого не требует, явно относя личный обыск к экстремальному моменту фактического задержания, а вовсе не к моменту оформления протокола задержания в помещении органа дознания или в кабинете следователя.

Обратим внимание на тот частный и, в общем-то, формальный момент, что решение о применении задержания как меры процессуального принуждения оформляется не постановлением уполномоченного органа, как это традиционно делается в отношении всех других принудительных мер, а именно протоколом. Во всех других случаях слово «протокол» используется и в законе, и в теории, и на практике для обозначения документа, фиксирующего установление каких-то фактов объективной действительности. И в отношении задержания подозреваемого этот термин использован законодателем по той же причине.

Аргумент С.Б. Россинского о том, что протокол задержания на практике не используется в качестве самостоятельного доказательства, на наш взгляд, тоже несколько ушербен. Даже если в итоговом процессуальном решении нет прямого указания на документ с названием «протокол задержания», факт задержания подозреваемого в момент совершения преступления или при попытке скрыться с места происшествия, спрятать или переместить орудие преступления, награбленное, уничтожить следы и т. д.

фигурирует в текстах обвинительных процессуальных решений всегда. И было бы странно, если бы это было не так.

Однако о содержании протоколов задержания имеет смысл сказать отдельно. В том виде, в котором они попадают в уголовное дело после июля 2002 года, когда были введены обязательные для исполнения бланки протоколов процессуальных действий в специальной части шестой УПК РФ, впоследствии из УПК удаленные, протоколы задержания в значительной степени лишены той информационной составляющей, с которой С.А. Шейфер связывал их доказательственное значение. Место и время фактического задержания в современных протоколах фиксируются, а основания указываются путем подчеркивания какого-то пункта из приведенного в бланке дословно перечня из ст. 91 УПК РФ. Из такого протокола, в котором подчеркнуто, что очевидцы или потерпевший указали на задержанного как на преступника, трудно судить даже о том, были ли эти очевидцы на самом деле. По такому протоколу по той же причине невозможно судить о наличии явных следов преступления на задержанном или при нем и о том, что это за следы. Бланк протокола задержания сегодня не просто имеет индивидуальный номер и обязательную форму. На практике он исключил любую возможность сделать его содержание индивидуальным и полезным для доказывания: в бланке не оставлено места ни для списка всех участников этого действия, которые могли бы быть потенциальными свидетелями по делу, ни для указания на те «явные следы преступления», наличие которых дает основания для задержания. Между тем именно в протоколе задержания должны получать отражение те сведения, которые позволяют считать фактическое лишение свободы конкретного человека произвольным и случайным. Считаю целесообразным в связи с этим совмещать протокол задержания и личного обыска при его производстве в едином документе.

В завершение сказанного подчеркнем, что и при действующем уголовно-процессуальном законе есть основания считать задержание подозреваемого самостоятельным следственным действием. Для С.А. Шейфера такой подход к оценке процессуальной сущности задержания был органичной частью его теории следственных действий и их системы. Актуальности и логической стройности этот подход в современных условиях не утратил.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. 208 с.

2. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 228 с.

3. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М.: Норма, 2018. 240 с.

4. Кальницкий В.В. Следственные действия: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 72 с.

5. Россинский С.Б. Личный обыск задержанного по подозрению в совершении преступления: проблемы теории, нормативного регулирования и практики производства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2. С. 128–138.

6. Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 368 с.

References

1. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia. Sistema i protsessual'naia forma [Investigative actions. System and procedural form]. M.: ООО Izdatel'stvo «Iurlitinform», 2001, 208 p. [in Russian].

2. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia. Osnovaniia, protsessual'nyi poriadok i dokazatel'stvennoe znachenie [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2004, 228 p. [in Russian].

3. Rossinsky S.B. Sledstvennye deistviia: monografiia [Investigative actions: monograph]. M.: Norma, 2018, 240 p. [in Russian].

4. Kalnitsky V.V. Sledstvennye deistviia: Uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. [Investigative actions: Textbook. 2nd edition, revised and enlarged]. Omsk: Omskaia akademiia MVD Rossii, 2003, 72 p. [in Russian].

5. Rossinsky S.B. Lichnyi obysk zaderzhannogo po podozreniiu v sovershenii prestupleniia: problemy teorii, normativnogo regulirovaniia i praktiki proizvodstva [Personal search of the detainee on suspicion of committing a crime: problems of theory, regulatory regulation and production practices]. Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Criminalist's Library Scientific Journal], 2017, no. 2, pp. 128–138 [in Russian].

6. Verшинina S.I. Normativno-pravovaiia sushchnost' ugovolno-protsessual'nogo prinuzhdeniia: monografiia [Normative-legal essence of criminal procedure coercion: monograph]. M.: Iurlitinform, 2017, 368 p. [in Russian].

S.A. SHEIFER ABOUT THE COGNITIVE ESSENCE OF THE DETENTION OF THE SUSPECTED

When covering the problems of the system of investigative actions, S.A. Sheifer invariably included in their number the detention of the suspect, during which procedural fixation received important information for the case – the time, place and reason for the detention of a particular person. For such an approach, the Criminal Procedure Code of 1960 had legal and regulatory grounds. In the Russian Criminal Procedure Code of 2001 there are no similar direct instructions, but S.A. Sheifer under the current law insisted on the cognitive nature of the detention and the evidentiary significance of its protocol. At present, some authors have made judgments about the inaccuracy of the described position of S.A. Sheifer and proposed arguments that refute the possibility of classifying suspect as a consequence of collecting evidence, not only under the current criminal procedural law, but also in principle specificity of the procedural nature of this action itself. The article supports the position of S.A. Sheifer, critical judgments about the current practice of detaining a suspect and suggested ways to improve it.

Key words: criminal proceedings, detention of a suspect, investigative action, collection of evidence, proof, procedural coercive measures, protocol of detention.

* *Tarasov Alexander Alekseevich* (aatar@mail.ru), Department of Criminal Law and Process, Bashkir State University, 32, Zaki Validi Street, Ufa, 450076, Russian Federation.